

С.Г. Максимова

Психосемантический анализ социальных представлений общества о старости

Социальные проблемы старения возникли вместе с развитием общества. Они выражались в том, какую позицию общество занимало по отношению к стареющим и старым людям и какое место занимали старые люди среди других возрастных групп, какие функции в обществе они выполняли. Процесс постарения в России происходит на фоне резкого изменения социальной ситуации пожилых людей, формирования новых ценностных ориентаций и установок в общественном сознании. Значительное изменение мировоззрения и социального окружения нарушает идентичность пожилых людей, дестабилизирует их психическое состояние, снижает уровень социально-психологической адаптации. Картина общества, предстающая перед человеком, не имеет стабильности, причем неопределенным видится не только будущее, но часто и прошлое. Это дезорганизует пожилых людей, не позволяет им адекватно оценить свою жизнь, осознать ее как достойную, прожитую не зря.

Социальная нестабильность в российском обществе приводит к тому, что многие пожилые люди ищут защиту в семье, стараясь адаптироваться к новым социальным условиям и новому статусу с помощью близких людей. Семья приобретает в этих условиях особую значимость, становится «фактором страховки», эмоциональной и социальной поддержки. Через семью, общение с детьми и внуками пожилой человек пытается найти новое место в жизни. Однако большинство людей молодого и среднего возраста не в полной мере представляют проблемы и особенности психики людей позднего возраста, что может привести к нарушению взаимной зависимости поколений и межпоколенным конфликтам.

Целью настоящей статьи является представление категориальной структуры обыденного, житейского сознания представителей различных поколений, описание эталонов межличностного восприятия, авто- и гетеростереотипов, присущих лицам пожилого и старческого возраста и лицам молодого возраста, описание их отношений к тем или иным социальным ролям и социальным типам, описание особенностей межличностного взаимодействия.

Методом исследования и одновременно формой модельного представления категориальных структур сознания явилось построение семантических пространств [1–3] на базе категорий, описывающих межличностное взаимодействие (выделенные на основе методики «интерперсональной диагностики» Т. Лири [4]).

На основе глубинного интервью 128 характеристик межличностного взаимодействия были выделены шкалы-дескрипторы (54 характеристики, которые образовывали 27 биполярных шкал). В качестве объектов оценки, выражающих межпоколенные обобщения и стереотипы, было взято 8 понятий (ролевых позиций в терминах Дж. Келли [5]), представленных следующими смысловыми блоками: «Я в настоящем», «Я в прошлом», «Я в будущем», «идеальное Я», «старшее поколение (как социальная группа)»; «молодое поколение (как социальная группа)»; «близкий молодой человек»; «близкий пожилой человек».

Испытуемые, в роли которых были представители старшего, среднего и молодого возраста (210 человек), входящие в состав семей из нескольких поколений, оценивали по семибалльным шкалам (от -3 до +3) степень того, насколько каждый данный дескриптор соответствует или может служить характеристикой каждому оцениваемому объекту (ролевой позиции). Обработка данных включала суммирование индивидуальных протоколов в общегрупповую матрицу данных (8 объектов и 27 шкал-характеристик межличностных отношений) с последующим применением факторного анализа методом главных компонент, включающим подпрограмму поворота факторных структур Varimax. Факторный анализ осуществлялся по программе из пакета прикладных статистических программ (в авторской программе Kelly, разработанной В.И. Похилько и Н.Н. Страховым).

Анализ результатов позволил получить профили двух групп лиц пожилого и старческого возраста, отобранных по изначально заданным критериям адаптированности и неадаптированности по усредненным данным субъективных представлений респондентов о себе и социальном окружении.

Группа 1 – адаптированные лица пожилого и старческого возраста.

Основываясь на данных факторного анализа, мы построили геометрическое семантическое пространство. Координатными осями служат выделенные факторы (Ф1, Ф2), декрипторы и ролевые позиции – это точки с заданными координатами внутри двумерного пространства. Эти точки отражают то, насколько выражена оценка, заданная факторами (рис. 1).

Качества, приписываемые человеку как представителю той или иной возрастной группы, не рядоположены, а создают целостные структуры, образование которых подчинено логике целостного образа. Возможны линии противопоставления – личностные конструкты, в рамках которых происходит восприятие и оценка других людей и себя, которые являются следствием противопоставлений целостных образов. Изначальным в сознании является содержание исходных образов (типажей), которые субъект извлекает из своего опыта, а только потом субъективные семантические пространства (и стоящие за каждой осью-фактором личностные конструкты), в пространстве которых человек или типаж получает описание и оценку.

Таким образом, интерпретировать выделенные факторы можно исходя из того, какие по содержанию объекты, размещенные в психосемантическом пространстве, занимают конкретные, полярные позиции. Так, оценочный характер первого фактора (Ф1) определяется расположенными на контрастных полюсах ролевыми позициями, на положительном полюсе находятся роли «Я идеальное», имеет наибольшую нагрузку по этому фактору ($a = 0,999$), а на отрицательном полюсе крайняя позиция «молодое поколение» ($a = -0,993$). Этот фактор можно интерпретировать как фактор оценки.

Правый полюс отражает позитивные установки, левый – негативные, и чем ближе к крайним позициям, тем явнее выражен позитивный или негативный характер. При интерпретации, таким образом, фактора Ф1 оппозиционными являются ролевые позиции «Я в прошлом», «Я в настоящем», «Я в будущем» и такие роли, как «старшее поколение», «близкий молодой человек», «близкий пожилой человек».

По первому фактору наблюдается тенденция перемещения «образа Я» в пространстве от прошлого к будущему за счет уменьшения факторных нагрузок, ролевая позиция «Я в будущем» смещена ближе к нейтральной зоне, но находится на положительном полюсе. Конструктивное временное измерение установоч-

ного отношения к образу «Я» отображает то, как пожилые люди строят образ того, какие они есть, какими они были, какими они будут.

По первому фактору ролевая позиция «Я идеальное» наполнена следующими конструктами (так как шкалы биполярны, соотношение к тому или иному полюсу шкалы выраженности черты производилось на основе средних значений по корреляции): терпеливый ($a = 0,996$), идет навстречу трудностям ($a = 0,975$), способен к добрым порывам ($a = 0,971$), доброжелательный ($a = 0,970$). Таким образом, можно предположить, что ролевая позиция «Я идеальное» в сознании испытуемых представлена вышеуказанными качествами – чертами характера, которые имеют значимость для пожилого человека. Ролевая позиция «Я в прошлом» объясняется следующими конструктами: оптимист ($a = 0,683$), серьезный ($a = 0,696$). Роль «Я в настоящем» ($a = 0,263$) можно соотнести по близости расположения с ролью «Я в будущем». Эти роли представлены таким свойством, как «не переносит одиночества» ($a = 0,256$).

Рассматривая ролевые позиции «старшее поколение» и «пожилой человек», представленные в противоположном полюсе фактора, можно предположить, что они описываются следующими конструктами: раздражителен, пасует перед трудностями, плохо уживается с людьми, не имеет чувства собственного достоинства, безразличен к людям, доволен и гордится своим прошлым.

В психосемантическом пространстве имеет место близость расположения ролевых позиций. В данном случае «Я идеальное» совмещено с «Я в прошлом» в одной плоскости. Это говорит об их отождествлении в сознании пожилого человека образа идеала и его ретроспективного образа «Я».

Второй фактор, исходя из того, что более полярны по этому фактору ролевые позиции «Я в будущем» ($a = 0,310$) – положительный полюс и ролевая позиция «молодое поколение» ($a = -0,281$). Этот фактор был интерпретирован как «молодость – старость». На одном полюсе по этому фактору размещены ролевые позиции «старшее поколение», «пожилой человек», «Я в настоящем», «Я в будущем», а на другом ролевые позиции «молодой человек», «Я в прошлом», «Я идеальное», это подтверждает данную нами интерпретацию фактора.

По второму фактору наполняемость ролей конструктами следующая: «Я в будущем» описывается такими чертами, как сердобольность ($a = 0,322$), тактичность ($a = 0,394$), «Я в на-

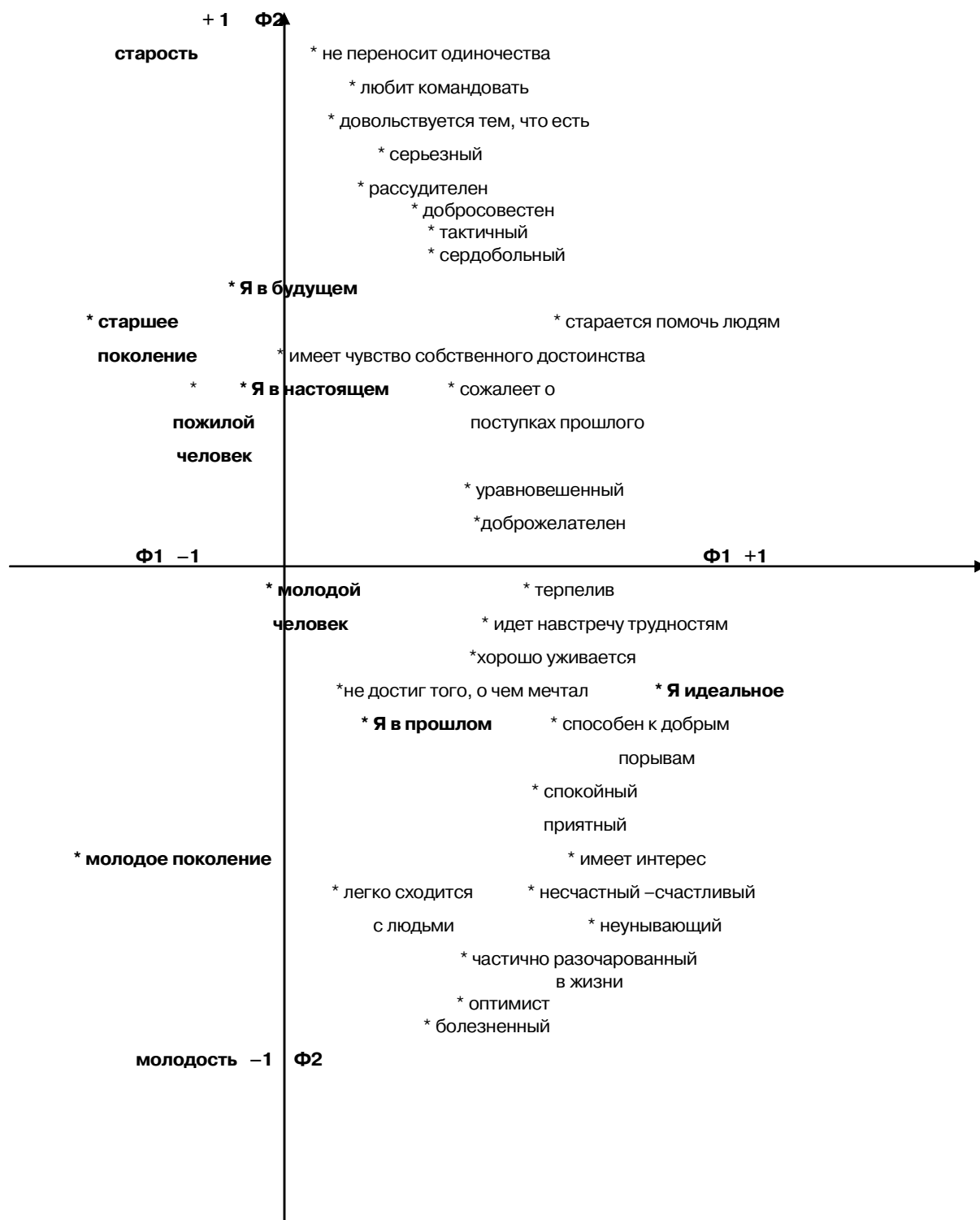

Рис. 1. Психосемантическое пространство оценки выраженности черт личности (Ф1, Ф2) адаптированных лиц пожилого и старческого возраста

стоящем» часто сожалеет о поступках, совершенных в прошлом ($a = 0,133$). Характеризуя позиции «Я» в прошлом, настоящем и будущем, пожилые люди придают значение таким чертам, как добросовестность, непереносимость одиночества.

Соответственно, старшее поколение представлено следующими чертами: не имеет чувства собственного достоинства, доволен и гордится своим пошлым, безразличен к людям.

Молодое поколение: ничем не интересуются, не способны к добрым порывам, раздражительны, достигли того, о чем мечтали.

Группа 2 – неадаптированные лица пожилого и старческого возраста.

По первому оценочному фактору, интерпретированному как «оценка», противоположные полюса занимают ролевые позиции «Я идеальное» ($a = 0,983$) и «старшее поколение» ($a = -0,819$). В этой группе также противопоставляется «Я в прошлом», «Я в настоящем», «Я идеальное» старшему поколению в целом, «Я в будущем» и «пожилой человек». Исходя из этого можно сделать вывод, что эта группа не желает отождествлять себя с пожилыми людьми. Наполняемость конструктами по этому фактору следующая: «Я идеальное» – близко расположен со следующими конструктами: терпеливый ($a = 0,977$), старается помочь людям ($a = 0,967$), хорошо уживается с людьми ($a = 0,940$), спокойный ($a = 0,908$). Ролевая позиция «Я в прошлом» по этому фактору описывается конструктом – серьезный ($a = 0,687$). Можно предположить, что роли, находящиеся на противоположном полюсе, в сознании пожилых людей представлены противоположно выраженными чертами, с их точки зрения не соответствуют идеалу. Следовательно, роль «близкий пожилой человек» ($a = -0,322$) и роль «Я в будущем» ($a = -0,252$) описываются конструктом - любят командовать ($a = -0,322$) (рис. 2).

По второму фактору полярными оказались ролевые позиции «Я в будущем» ($a = -0,385$) и «молодое поколение» ($a = 0,385$). Интерпретируя этот фактор как «молодость – старость», пожилые люди этой группы описывают следующим образом полюсы этого фактора: молодость – жизнерадостен, неунывающий, открытый, имеет много интересов; старость – не переносит одиночества, довольствуется тем, что есть, любит командовать, рассудителен.

Сравнивая результаты, полученные в первой и второй группах лиц пожилого и старческого возраста, проживающих в доме-интернате, выделенные по критерию адаптированности-неадаптированности, можно сде-

лать следующие выводы: категориальные установки пожилых людей как первой, так и второй группы резко выраженных различий не имеют. Для обеих групп характерно ярко выраженное противопоставление черт «Я идеальное» и несоответствие этих черт у молодого и пожилого поколения как социальных групп, но при этом «молодое поколение» и «старшее поколение» находятся в разных плоскостях и описываются различными конструктами. Себя пожилые люди отмечают между двумя этими полюсами. При этом «Я в прошлом» находится ближе к идеалу. Таким образом, можно говорить об отождествлении этих ролевых позиций в сознании пожилого человека. Позиция «Я в будущем» смещена ближе к противоположному полюсу, для первой группы эта позиция находится на положительном, а для второй – на отрицательном полюсе, это говорит о трансформации образа «Я» в сознании пожилых людей, об неустойчивости общего представления «Я», что в большей мере имеет место во второй группе (деадаптированных лиц), это может сказываться на отношениях с окружающими людьми и поведении. Проведенный анализ результатов показал, что в мышлении пожилых людей имеет место ригидность в оценках себя и окружающих. Как в первой, так и во второй группе можно отметить наблюдаемую полярность суждений, которая выражается в двух вариантах: 1) типичная биполяризация оценочных суждений (ответы испытуемых располагаются только по краям шкалы); 2) боязнь края (ответы испытуемых все время близки к центру шкалы), возможно, это в какой-то мере объясняется инволюционными процессами, происходящими в психике при старении.

Исследование семантического пространства, отражающего социальные представления о старости и людях пожилого возраста, было проведено в группе лиц молодого и среднего возраста.

Полученные матрицы корреляций отражают невысокую степень когнитивной дифференцированности семантического пространства испытуемых. Но необходимо отметить, что при сравнении суммарных групповых решеток по половому признаку с использованием индекса Баннистера выявилось, что у мужчин семантическое пространство имеет более сложную когнитивную структуру (относительная сумма квадратов коэффициентов корреляций 0.958 у мужчин и 1.178 у женщин). Следовательно, социальные представления о людях у женщин отличаются меньшей дифференцированностью,

Психосемантический анализ социальных представлений общества о старости

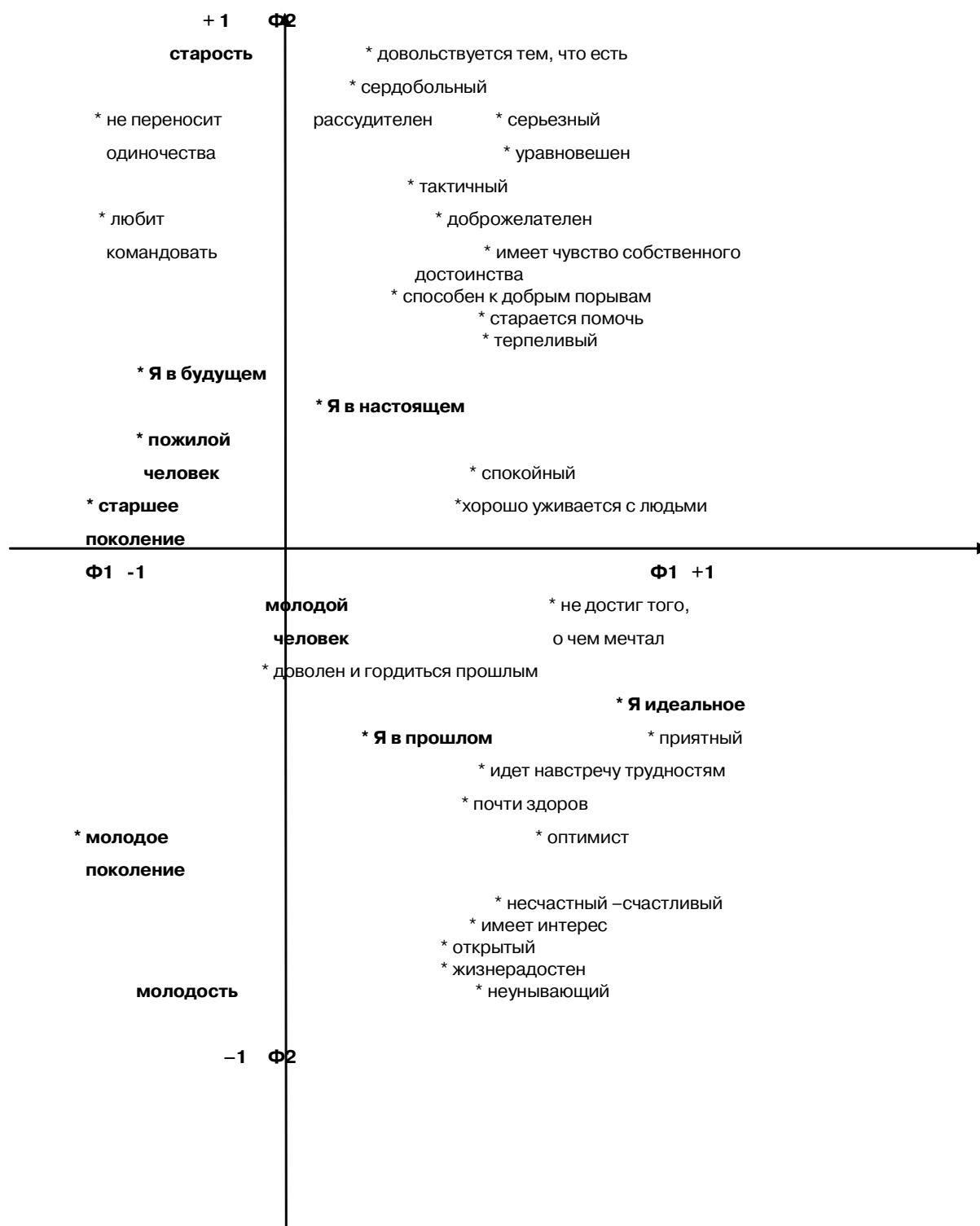

Рис. 2. Психосемантическое пространство оценки выраженности черт личности (Ф1, Ф2) дезадаптированных лиц пожилого и старческого возраста

многие личностные характеристики, отражающие разные стороны межличностного восприятия и взаимодействия, воспринимаются ими как нечто единое, однозначное. Сравнение по возрастному признаку выявило, что наиболее четко выделяют нюансы человеческих взаимоотношений испытуемые в возрасте 35–40 лет, в то время как лица более старшего возраста и молодые люди в своих оценках более однозначны и категоричны. Что касается такого критерия для сравнения, как уровень образования респондентов, то уровень когнитивной сложности снижается при повышении уровня образования. Возможно, это связано с тем, что имея высшее и среднее специальное образование, испытуемые в своих оценках старались дать более общую картину исследуемой проблемы, невольно объединяя конструкты и упрощая семантическое пространство.

Сравнительный анализ данных, полученных в группе молодого и среднего поколений, по половому признаку (рис. 3, 4) позволяет сделать следующие выводы:

1. Структура семантического пространства в группах мужчин и женщин имеет некоторые общие черты. В обеих группах основная нагрузка приходится на фактор, объединяющий в себе характерологические черты доброжелательного, открытого, оптимистично настроенного человека, хотя женщины основной акцент делают на те черты личности, которые позволяют создавать и поддерживать хорошие межличностные отношения, а мужчины – на активную жизненную позицию и способность преодолевать трудности.

2. Социальные представления, которые сложились в обеих группах испытуемых по отношению к молодому поколению в целом, имеют самую негативную окраску. Также отрицательную оценку дают испытуемые и поколению стариков. И те, и другие неприятные, вспыльчивые, нетерпимые, безразличные, замкнутые, нервные и так далее. Но старики хотя бы «осознают», какие они есть, и пытаются примириться с жизнью, принять ее и сохранить сострадание и сочувствие к другим людям.

3. И мужчины, и женщины не отождествляют себя ни с поколением молодых, ни с поколением пожилых людей, самооценка в обеих группах дается в положительных тонах.

4. Испытуемые-женщины негативно воспринимают близкого пожилого человека, оценка которого в данной группе почти совпадает с оценкой старого поколения в целом. Для испытуемых-мужчин характерно то, что себя в

старости они отождествляют с близким пожилым человеком, и эти социальные роли имеют наиболее положительные характеристики.

5. В обеих группах динамика самооценки (Я в прошлом – Я сейчас – Я в старости) имеет положительную направленность. И мужчины, и женщины считают, что «идеальное Я» – это понятие почти недостижимое, оно противоположно представлениям о поколениях старых и молодых людей в целом, но испытуемые (и мужчины, и женщины) считают, что в старости они будут более близки к идеалу, чем в настоящее время.

Сравнительный анализ (см. рис. 5–7) с учетом уровня образования позволил выявить следующие особенности социальных представлений о старости и пожилых людях в группах молодого и среднего поколений, имеющих среднее образование (1-я группа), среднее специальное образование (2-я группа) и высшее образование (3-я группа):

1. Структура семантического пространства, отражающего представления испытуемых о старости во всех трех группах, имеет определенное сходство, что отражается набором конструктов, задающих первый и второй факторы. Так, первый фактор определяется конструктами, описывающими такие черты характера, как доброжелательность, спокойствие, жизнерадостность, терпимость. Отрицательный полюс второго фактора во всех группах задается конструктом болезненный, и хотя сопровождается он различными качествами (замкнутый, несчастный, разочарованный), но смысл фактора остается, судя по конструктам, определяющим положительный полюс, тождественным – человек, чувствующий себя больным и несчастным, не может примириться со своим положением и требует к себе постоянного внимания.

2. Определенные коррективы в структуру семантического пространства, которые позволяют говорить о разнице в представлениях о старости в группах испытуемых с различным уровнем образования, вносит третий фактор, смысловая нагрузка которого отличается во всех трех группах. В группе испытуемых со средним образованием третий фактор отражает противопоставление: человек сожалеет о своем прошлом (отрицательный полюс) или человек отличается рассудительностью и стремится преодолевать трудности (положительный полюс фактора). Кстати, социальные роли, у которых испытуемые со средним образованием отмечают стремление преодолевать трудности, это «идеальное Я», «близкий пожилой человек» и «близкий молодой человек», все

Психосемантический анализ социальных представлений общества о старости

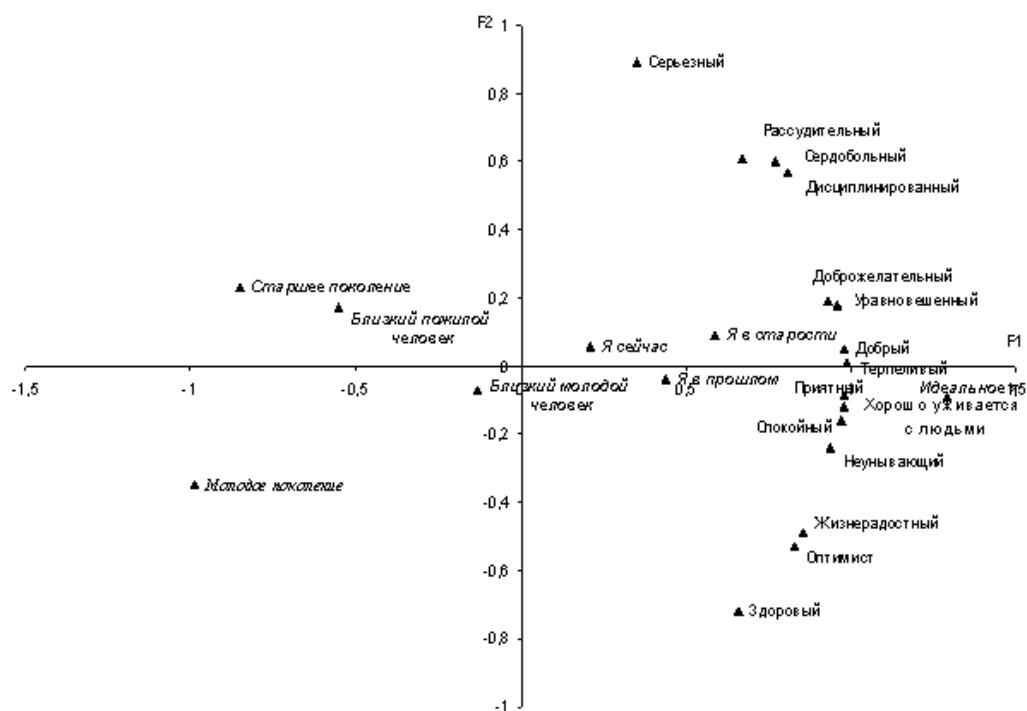

Рис. 3. Структура семантического пространства в группе лиц молодого и среднего поколений (женщины)

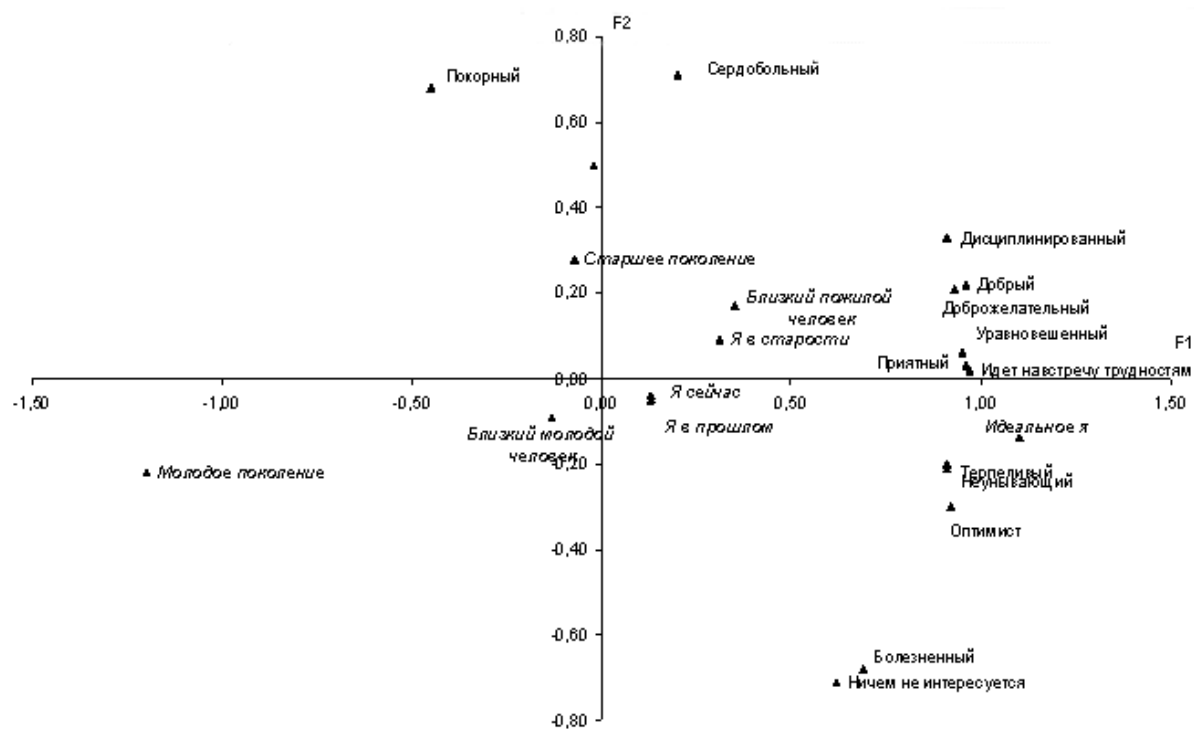

Рис. 4. Структура семантического пространства в группе лиц молодого и среднего поколений (мужчины)

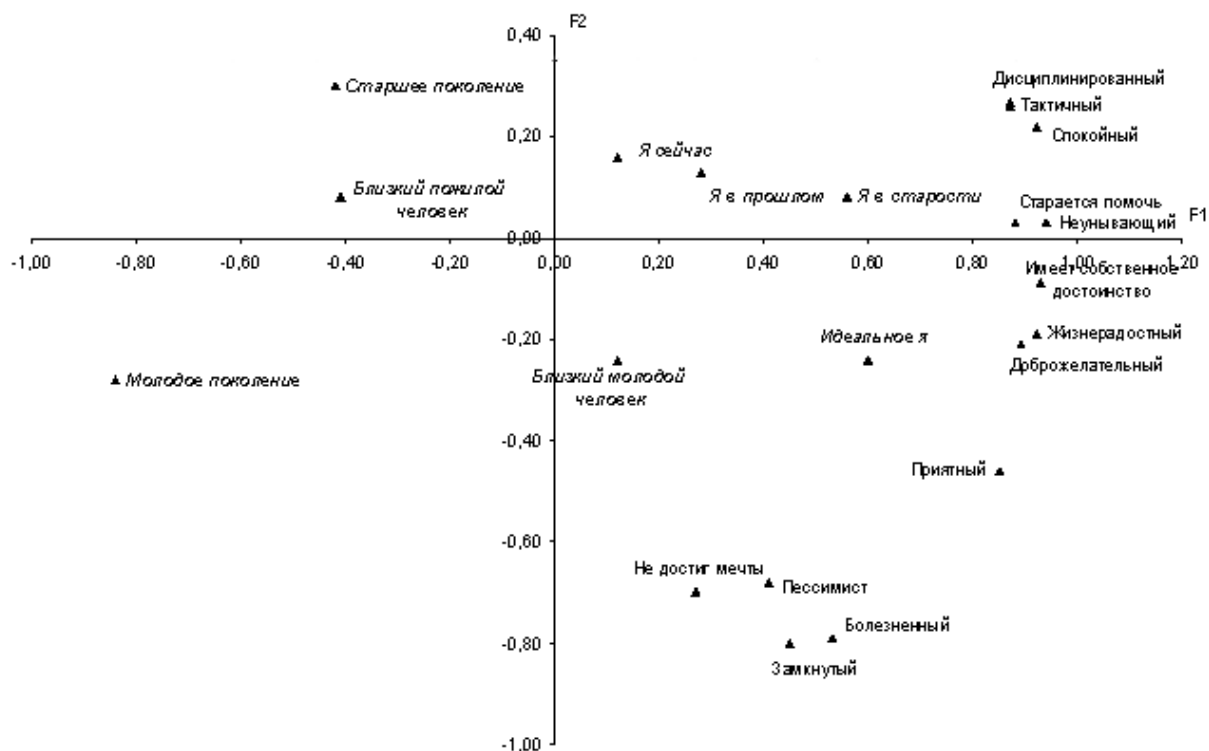

Рис. 5. Структура семантического пространства в группе лиц молодого и среднего поколений, имеющих среднее образование

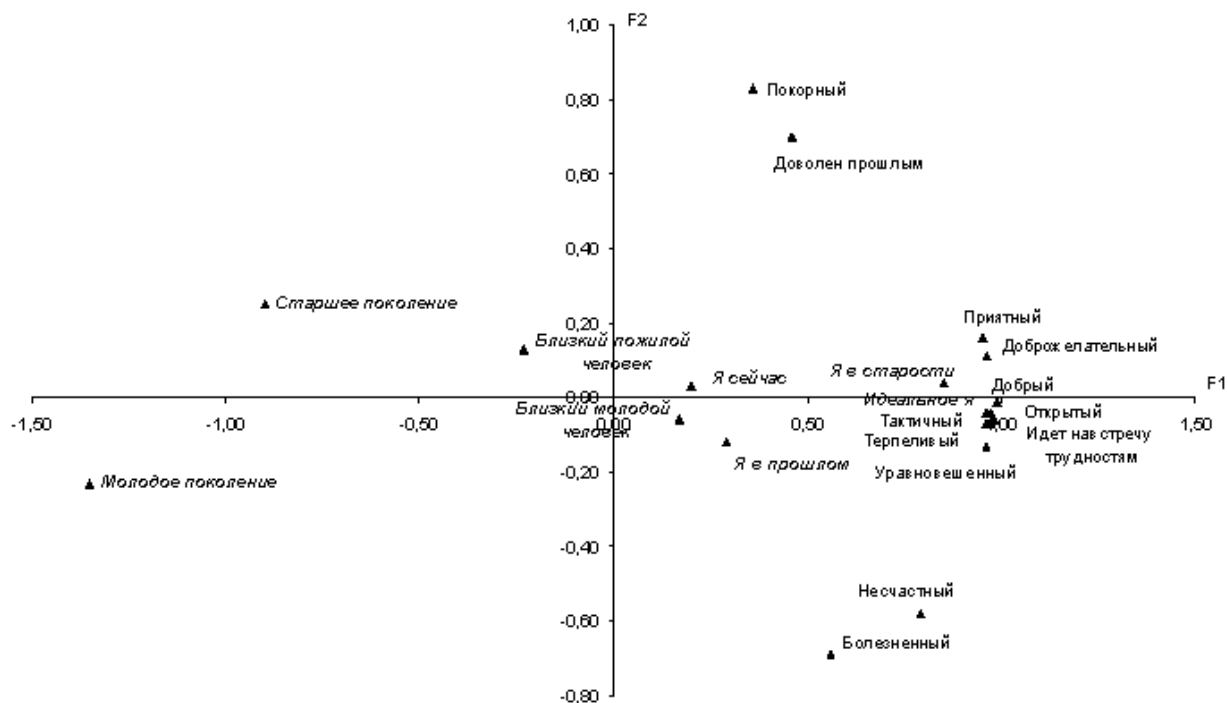

Рис. 6. Структура семантического пространства в группе лиц молодого и среднего поколений, имеющих среднее специальное образование

Психосемантический анализ социальных представлений общества о старости

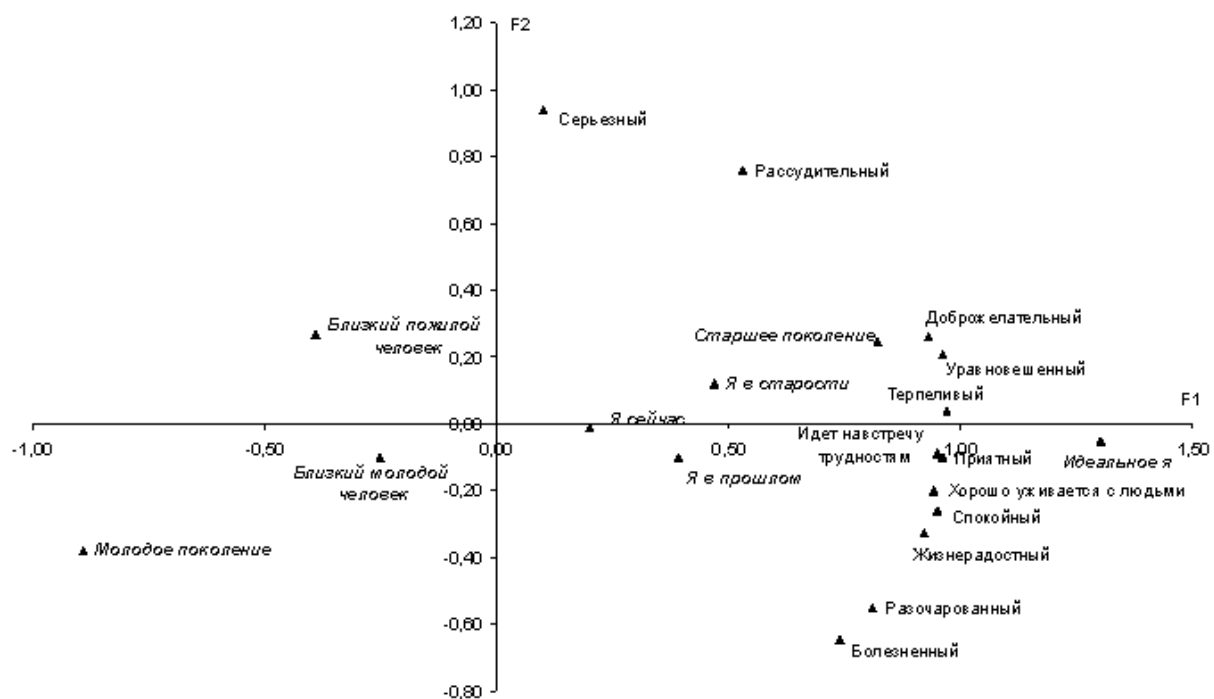

Рис. 7. Структура семантического пространства в группе лиц молодого и среднего поколений, имеющих высшее образование

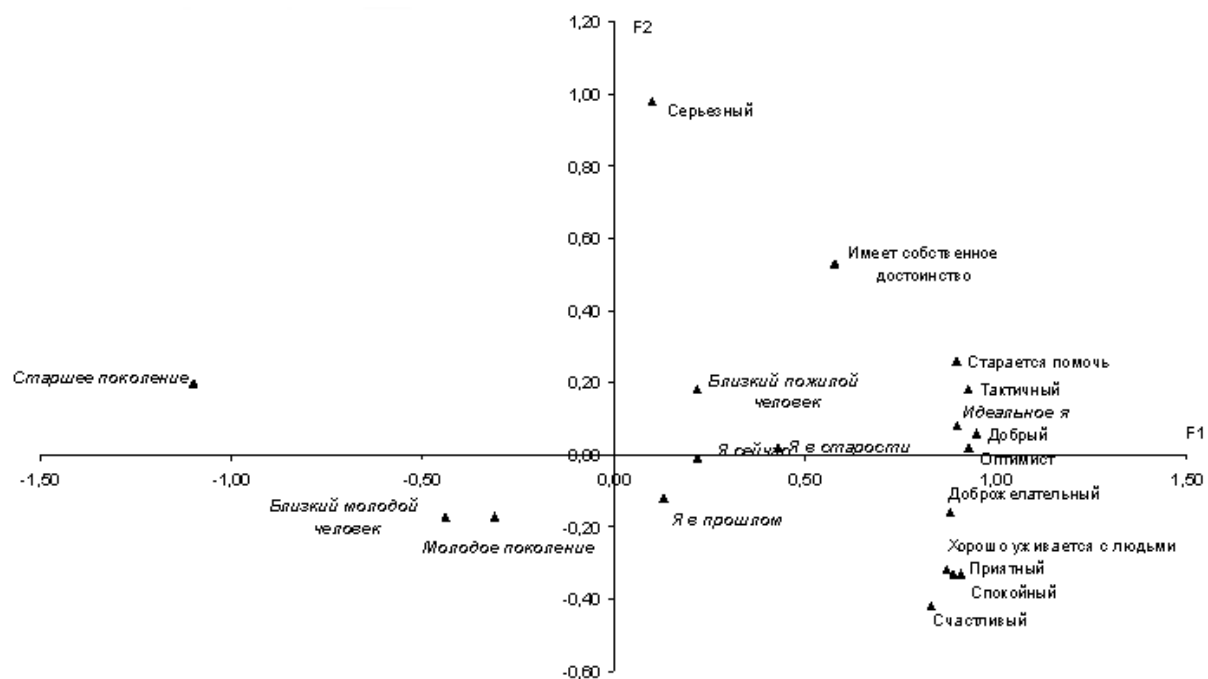

Рис. 8. Структура семантического пространства возрастной группы 30–35 лет

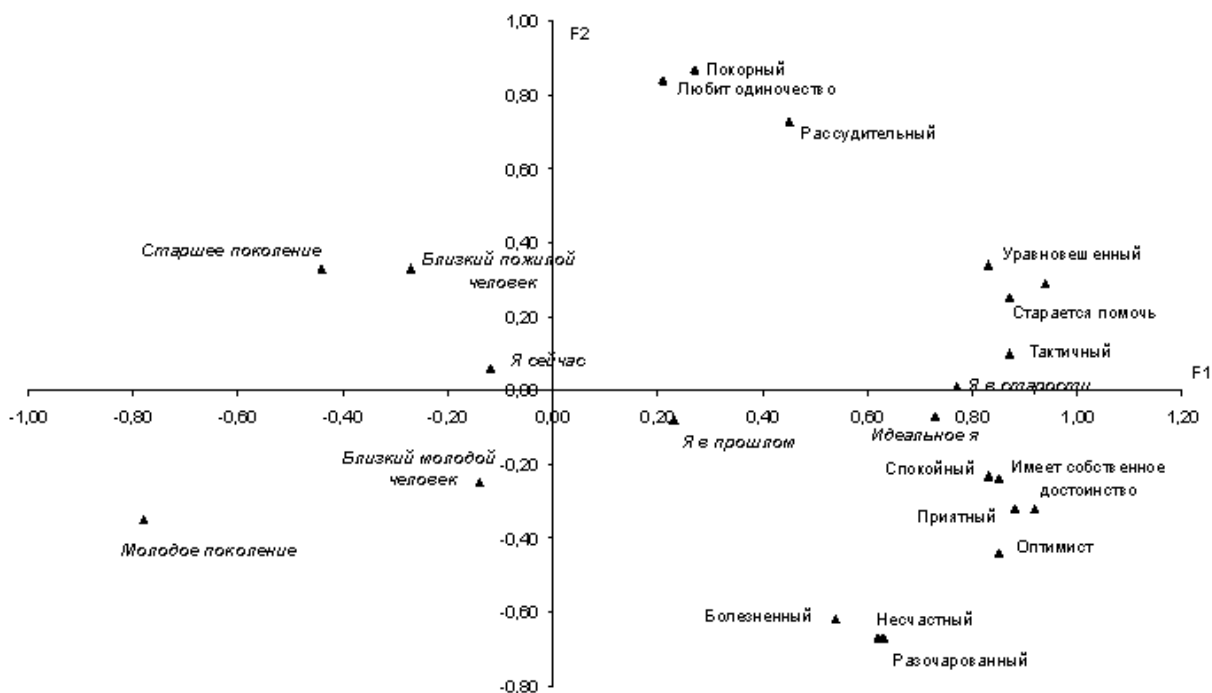

Рис. 9. Структура семантического пространства возрастной группы 40–45 лет

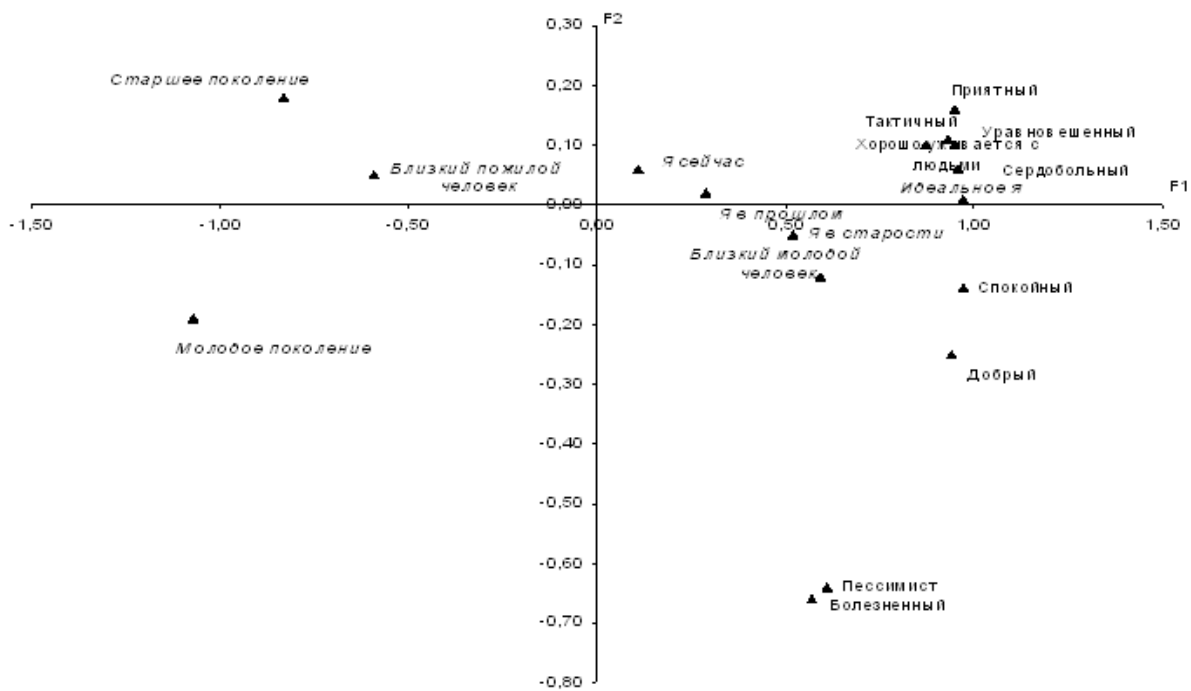

Рис. 10. Структура семантического пространства возрастной группы 50–55 лет

остальные – так или иначе сожалеют о своем прошлом. В группе испытуемых со средним специальным образованием третий фактор задается конструктом «достиг своей мечты», и эта характеристика присуща только социальным ролям «идеальное Я» и «близкий молодой человек». Третья группа, которая представлена испытуемыми с высшим образованием, в качестве определяющего для третьего фактора выделила конструкт «любит командовать» (отрицательный полюс фактора). К людям, которые предпочитают не командовать, по мнению испытуемых данной группы, относятся: «близкий молодой человек», «близкий пожилой человек» и сами испытуемые, когда будут в преклонном возрасте.

3. По первому фактору, отражающему представления о личностных качествах человека, испытуемые всех трех групп, независимо от уровня образования, дают негативную оценку таким социальным ролям, как «близкий пожилой человек», старое и молодое поколения в целом. В группе испытуемых с высшим образованием негативная оценка дается также и близкому молодому человеку. Соответственно, самооценка (Я сейчас, Я в прошлом, Я в старости) дается с помощью положительных характеристик.

4. Во всех группах наблюдается противопоставление оценки «Я идеального» оценкам старого и молодого поколений в целом. Причем обнаруживается следующая тенденция: чем выше уровень образования, тем ярче это противопоставление.

5. Еще одна тенденция, которая проявляется во всех группах испытуемых независимо от уровня образования. Давая негативную оценку как старому поколению в целом, так и близкому пожилому человеку, испытуемые самих себя в старости оценивают (по сравнению с остальными социальными ролями) наиболее приближенно к идеальному Я, что отражает наличие устойчивого стереотипа «Я не буду таким, как знакомые мне старики, я буду все понимать, я буду лучше».

Для сравнительного анализа, учитывающего возраст, испытуемые были разделены на следующие группы: 25–30, 30–35 (рис. 8), 35–40, 40–45 (рис. 9), 45–50 и 50–55 лет (рис. 10). Были получены следующие результаты:

1. Семантическое пространство, отражающее представления о старости, в группах испытуемых 25–30 лет и 30–35 лет имеет много общих черт. В обеих группах испытуемые дают крайне негативные оценки как старому, так и молодому поколениям в целом. Представления

о стариках и молодежи вообще абсолютно противопоставляются оценке «Я идеального». В обеих группах самооценка дается в положительном ключе и отражает тенденцию приближения с возрастом к идеальному Я. При описании семантического пространства этих двух групп испытуемых необходимо сделать акцент на том, что диаметрально расходятся представления испытуемых о старом поколении вообще и близком пожилом человеке в частности. Если поколение стариков, как мы уже отмечали, получило крайне негативные характеристики, то оценка близкого пожилого человека дается с использованием положительно окрашенных конструктов, более того, по выраженности этих качеств она приближается к самооценке испытуемых «я в старости», а следовательно, к «Я идеальному» вообще. Некоторые отличия можно наблюдать только при оценке близкого молодого человека. Так, у испытуемых в возрасте 25–30 лет оценка близкого молодого человека весьма приближена к самооценке «Я сейчас», дается с помощью положительных полюсов конструктов и противопоставляется оценке молодого поколения в целом. Это вполне соответствует ситуации: «хоть молодежь вообще и плохая, но мы (я и мои друзья) не такие, мы лучше». В группе испытуемых 30–35 лет наблюдается отторжение представлений о близком молодом человеке от представлений о себе. Оценка близкого молодого человека почти совпадает с оценкой молодого поколения в целом, содержит такой же негативный контекст, и мы можем сделать выводы о том, что к 30–35 годам испытуемые полностью отделяют себя от молодого поколения.

2. В группе испытуемых 35–40 лет получены самые противоречивые и необычные результаты. Начнем с того, что социальная роль «Я идеальное» в структуре семантического пространства располагается таким образом, что ее описание лучше всего дается в нейтральных конструктах («ни плохой – ни хороший»). Самооценка «Я сейчас» и «Я в прошлом» в данной группе наиболее негативная, далека от «Я идеального» и подразумевает отсутствие доброжелательности, терпения, рассудительности, способности достичь мечты и преодолеть трудности. Так же, как и у испытуемых других возрастов, в данной группе сохраняется отрицательная характеристика молодого поколения в целом, но при этом люди старого поколения воспринимаются как наиболее приятные, рассудительные и доброжелательные. Так же хорошо оценивают испытуемые и себя в

старости, но при этом они будут, по их мнению, более здоровыми, уравновешенными, сердобольными, хотя и пессимистично настроенными. Оценки близкого пожилого и близкого молодого человека почти совпадают (пожилкой, правда относится к жизни с большим оптимизмом) и по степени выраженности положительных качеств превосходят «Я идеальное» и уж тем более самооценку. Данная группа испытуемых выглядит как наиболее «потерянная»: они не относят себя ни к молодым, ни к старым людям (ни к плохим, ни к хорошим), чувствуют в себе желание помочь и не видят способности преодолеть трудности.

3. Социальные представления о старости и пожилых людях в группах испытуемых 40–45 лет и 45–50 лет также имеют некоторое сходство. В обеих группах наблюдается тенденция сближения оценок старого поколения и близкого пожилого человека, а также молодого поколения и близкого молодого человека. И старики, и молодые независимо от степени близости к испытуемым воспринимаются одинаково негативно, разве что старики более рассудительны и смирились со своим положением. Основное отличие испытуемых данных групп выявляется при анализе динамики развития самооценки. У испытуемых 40–45 лет наблюдается следующая цепь изменений: «Я сейчас намного хуже, чем был в прошлом; наверное потому, что вынужден постоянно общаться с ними, я сейчас очень похож на стариков, только в отличие от них не достиг мечты; а когда я реально стану старым, то буду настолько хорошим, я ведь все понимаю, что превзойду свои собственные представления об идеальном я». Испытуемые 45–50 лет оценивают свои возможности более пессимистично: «я сейчас хуже, чем был когда-то, и, конечно, еще отодвинулся от своих представлений об идеальном я; но в старости я стану еще менее терпеливым и уживчивым, хотя и не опущусь до такой степени, как эти старики».

4. И, наконец, представления о старости у испытуемых в возрасте 50–55 лет, которых мы реально можем рассматривать как пожилых людей, являются как бы зеркальным отражением представлений молодежи (испытуемые 25–30 лет) о старости. В обеих группах сохраняется тенденция развития самооценки по схеме: «Я сейчас немного хуже, чем был раньше, но к старости я сильно приближусь к своему

идеалу и стану добрым, уравновешенным, приятным и доброжелательным». Но если молодые люди (25–30 лет) давали диаметрально противоположную оценку старикам вообще (плохие) и близкому пожилому человеку (хороший), то в группе испытуемых пожилого возраста (50–55 лет), наоборот, в целом молодое поколение получает отрицательные характеристики, в то время как близкий молодой человек оценивается самым положительным образом.

Таким образом, проведенные исследования ярко показывают комплексный и амбивалентный характер установок молодого и среднего поколения к старшему поколению.

Итак, эпоха сменяет эпоху, традиции передаются из поколения в поколение, образ старости может быть окружен ореолом почитания, а может быть низведен до степени непризнания и игнорирования, ассоциироваться исключительно с физическими недугами и всевозможными проблемами. Но на протяжении многих столетий вклад «стариков» в сокровищницу мировой науки, культуры, искусства ни у кого не вызывает сомнений. Жизненный путь многих из них заставляет потомков переосмысливать свою роль в мире, обществе, семье и направлять свой личностный потенциал на раскрытие собственных духовных качеств.

Понимание возможных способов социального регулирования процесса старения в его индивидуальном и групповом проявлениях, все более полное удовлетворение социальных и естественных потребностей старых людей возможны только с помощью содержательного анализа тех проблем социологии и психологии старения, которые имеют первостепенное значение для системного видения закономерностей завершающего этапа человеческой жизни. Это прежде всего анализ общечеловеческих детерминант демографического и психологического старения, выявление ценностно-гуманистического смысла проблемы долголетия, изучение социально-психологического статуса пожилых, возможности их участия в основных сферах жизни общества после выхода на пенсию, специфики их психологии, мотивов поведения, образа жизни. Анализ ситуации, сложившейся к настоящему времени в науке о старении, в значительной мере определяет направление дальнейших поисков и выбора предпочтительных путей достижения активного долголетия все большим числом людей.

Литература

1. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М., 1997.
2. Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М., 1983.
3. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М., 1987.
4. Собчик Л.Н. Методы психологической диагностики. М., 1990.
5. Келли А. Дж. Теория личности. СПб., 2000.